

Отпусти руку

Цюй Юньме не сразу понял, к чему клонит Сяо Жун. Он уже собирался расспросить его подробнее, когда снаружи послышались шаги — это вернулся Юй Шаочэн.

Командир принес вести, которые подтвердили догадку Великого вана: юношу, подносившего меч, действительно звали Хуан Кэцзи. Но вот что было странно — при Хуан Яньцзюне он не занимал никакой официальной должности.

Сяо Жун поначалу удивился, но, поразмыслив, нашел этому объяснение. Хуан Кэцзи было всего шестнадцать. Его дяде ничего не стоило заявить во всеуслышание, что юноша еще «не созрел» для службы и ответственности. Против такого довода посторонним возразить было нечего. К тому же сам Хуан Яньцзюн был всего лишь инспектором округа, и его возможности раздавать высокие чины были ограничены. Почти все его приближенные находились в столь же двусмысленном положении: не имея официальных постов, они оставались для мира неизвестными тенями.

Уяснив это, Сяо Жун спросил об имени сопровождавшего их книжника.

— Его зовут Чжоу Лян, — ответил Юй Шаочэн. — Он советник Хуан Яньцзюна.

Сяо Жун на мгновение замер, осознавая услышанное, а затем резко вскочил с места:

— Чжоу Лян?! Тот самый Лян, чье имя пишется через знаки «дерево» и «столица»?!

Юй Шаочэн опешил. Он не ожидал, что Сяо Жуна заинтересуют такие детали, и не знал наверняка, из каких иероглифов состоит имя советника. Впрочем, имея опыт службы при дворе Южной Юн, он понимал, что просто признаться в неведении — значит выставить себя неумехой перед начальством. Потому, опустив голову, он поспешил добавить то, что знал:

— Я не выяснил правописание, господин Сяо, но мне известно, что этот человек родом из округа Дунмоу и происходит из семьи худородных книжников.

«Ошибки быть не может. Это он. Тот самый Чжоу Лян»

Сяо Жун в глубоком смятении опустился обратно на стул. Цюй Юньме, наблюдавший за переменной в его лице, не удержался от вопроса:

— Да откуда ты всех знаешь?

— Я не знаком с Чжоу Ляном лично, — рассеянно отозвался юноша. — Просто слышал о нем прежде.

— И как только до тебя доходят слухи о каждом встречном? — хмыкнул Великий ван.

Сяо Жун промолчал.

«Потому что у меня хорошая память»

Потрясение Сяо Жуна было вызвано не самой личностью Чжоу Ляна, а тем фактом, что в его памяти этот человек неразрывно был связан с Дунъян-ваном, Хэ Тинчжи. Они были настолько близки, что позже Хэ Тинчжи взял в жены дочь Чжоу Ляна, которая вошла в историю как знаменитая императрица Чжоу.

История — дама ироничная. Какое бы положение ни занимала женщина при жизни, в хрониках она остается под тем титулом, с которым ушла в мир иной. Ту несчастную именовали императрицей, а не вдовствующей государыней лишь потому, что она скончалась раньше своего супруга.

И смерть её была неописуемо ужасной. Хэ Тинчжи вбил себе в голову, что жена приносит ему несчастья. Он верил, что все стихийные бедствия в годы его правления — её вина. Император считал, что должен заставить её страдать: чем сильнее будет её боль, тем прочнее станет его трон. Он велел заточить её в камерке у вторых ворот дворца и подвергать пыткам день и ночь. Говорили, что её крики долетали до ушей простых горожан за стенами цитадели. Люди, слышавшие этот плач, мучились кошмарами и впадали в горячку, а несколько несчастных и вовсе лишились рассудка от ужаса.

Хэ Тинчжи был намного старше своей супруги, и поначалу они души не чаяли друг в друге. О первых годах их союза в народе слагали легенды как о примере нежной любви. Никто не понял, в какой момент всё изменилось и они стали заклятыми врагами. Императрица Чжоу начала вмешиваться в дела управления, привлекая на свою сторону отца и братьев. Клан Чжоу, прежде не имевший веса, после воцарения Хэ Тинчжи вошел в число великих семей. Влияние Чжоу Ляна стало столь велико, что казалось — еще немного, и он сбросит зятя с престола.

Именно тогда на сцене появился Хань Лянжу. Хотя он превратил Хэ Тинчжи в свою марионетку лишь в последние пять лет, в окружении императора он находился давно. Прежде он не вмешивался в политические интриги, но дело императрицы Чжоу стало его первым шагом. Хань Лянжу сумел втереться в доверие к государю, разрушив остатки его веры в Чжоу Ляна и привязанности к жене. По его совету Хэ Тинчжи решился на расправу: за одну ночь весь клан Чжоу был схвачен и уничтожен. Лишь императрица осталась влачить жалкое существование во дворце.

Самое горькое в этой истории было то, что поначалу чиновники были безмерно благодарны Хань Лянжу. Клан Чжоу всех утомил своими бесчинствами, но никто не смел перечить воле государя. Лишь когда расправа переросла в изощренную жестокость, люди поняли, что события вышли из-под контроля. В хрониках же записали, что Хань Лянжу, хоть и погубил клан Чжоу, якобы пытался вымолить пощаду для императрицы. Но Хэ Тинчжи, убежденный, что она — корень всех его бед, был непреклонен. Хань Лянжу покинул дворец со вздохом сожаления, и слуги еще долго славил его добросердечие.

Как всё было на самом деле, ведали лишь участники тех событий. Из-за ореола таинственности, окружавшего Хань Лянжу, потомки склонны были демонизировать его. Шептались, будто он сам подстроил заговор клана Чжоу и планомерно разрушал брак императора, дабы в итоге истребить всех соперников и оставить Хэ Тинчжи в полном одиночестве, когда тот мог полагаться лишь на него одного.

Сяо Жун не знал, была ли это правда. Но в одном он был уверен твердо: Чжоу Лян — преданный человек Хэ Тинчжи.

Неужели он что-то упустил? Неужели прежде, чем примкнуть к Дунъян-вану, Чжоу Лян служил Хуан Яньцзюну? Это не было невозможным. Как бы тщательно Сяо Жун ни изучал хроники, он не мог знать до мельчайших подробностей биографию каждого, даже если этот «каждый» — отец великой императрицы.

А если Чжоу Лян — соглядатай, подсланный Хэ Тинчжи к Хуан Яньцзюну?..

От этой мысли у Сяо Жуна по спине пробежал холодок, но он тут же одернул себя. Это маловероятно. Во-первых, Хуан Яньцзюн не представлял такой угрозы. Если не считать Сяо Жуна, видевшего в нем скрытый потенциал, для всех прочих он оставался заурядным провинциальным инспектором. Неприметность была его лучшим щитом, и никто не стал бы тратить годы жизни на столь сложную игру против него. Во-вторых, Хэ Тинчжи сам отчаянно нуждался в способных людях. Чжоу Лян был талантлив, в этом не было сомнений: позже он занимал высшие посты канцлера, сыту и тайцзая. Он был правой рукой Хэ Тинчжи, и тот вряд ли стал бы разбрасываться таким ценным кадром ради слежки за заштатным чиновником.

Значит, это просто совпадение. Чжоу Лян сначала предложил свои услуги Хуан Яньцзюну, а позже, осознав, что их цели не совпадают, или рассорившись с ним, покинул его и волею случая встретил Хэ Тинчжи.

Юноша погрузился в раздумья.

Его не волновало, каких высот достигнет Чжоу Лян в будущем или как он рассорится со своим зятем. Важно было лишь одно: Чжоу Лян был законченным мерзавцем.

Мелочный, злопамятный и невероятно коварный, он годами лелеял обиды, дабы в итоге отомстить в стократном размере. Он был беспощаден не только к врагам, но и к своим. Один из великих генералов в ставке Хэ Тинчжи позже покончил с собой, не вынеся его травли.

Прежде Сяо Жун полагал, что план «одним выстрелом убить трёх зайцев» принадлежал самому Хуан Яньцзюну. Теперь же он почти не сомневался: это была идея Чжоу Ляна.

Лицо Сяо Жуну стало предельно серьезным. Цюй Юньме, заметив эту перемену, поинтересовался:

— О чем ты так напряженно думаешь?

Сяо Жун помолчал, а затем ровным, холодным тоном произнес:

— Я думаю о том, что этого человека нельзя оставлять в живых.

Государь мгновенно оживился:

— «Нельзя оставлять в живых» означает?..

Сяо Жун лишь устало на него посмотрел. Он знал, что Великий ван отреагирует именно так. Впрочем, иногда стоило дать ему волю — даже суровый дрессировщик порой поощряет своего питомца.

Немного помедлив, юноша тонко улыбнулся:

— Именно то, о чем вы подумали, государь.

Цюй Юньме, которому Сяо Жун ежедневно твердил о недопустимости убийств, вдруг услышал заветное «можно». Ему сразу стало легче дышать, а воздух в комнате словно стал чище. Он довольно рассмеялся:

— Прекрасно. Завтра же найдем повод и покончим с ним.

Сяо Жун:

«...»

Ему захотелось биться головой о стену. Потирая виски, он со вздохом произнес:

— Великий ван, неужто вы опять собрались всё делать своими руками? Есть дела, которыми стоит заниматься лично, а есть такие, которые лучше поручить другим. Чжоу Лян — всего лишь советник Хуан Яньцзюна, но коль скоро можно не пачкать руки, лучше этого не делать. Не нужно искать поводов. Когда они покинут город, пошлите надежных людей, пусть прикинутся разбойниками. Так никто не свяжет его смерть с вашим именем.

Цюй Юньме нахмурился:

— Зачем так усложнять столь простое дело?

Сяо Жун не ответил. В его душе бушевали противоречия. Он всё еще сомневался, стоит ли убивать Чжоу Ляна. Тот был дурным человеком, и теперь, когда их план провалился, между ним и инспектором наверняка пробежала кошка. Оставлять его в живых — значит плодить затаенную злобу. Но разве можно лишать человека жизни за грехи, которые он еще не совершил? Не станет ли он сам таким же убийцей невинных?

Сяо Жун понимал: взойдя на этот шаткий корабль под началом Цюй Юньме, он рано или поздно столкнется с такими вопросами. Но когда этот миг настал, принять решение оказалось невыносимо трудно. Один его выбор — это и чья-то жизнь, и чистота его собственной совести.

Эти мысли промелькнули в голове юноши за долю секунды. Он пришел в себя и взглянул на Великого вана:

— Я...

Договорить он не успел. Цюй Юньме посмотрел на него со страдальческим выражением лица и нетерпеливо отмахнулся:

— Ладно, ладно, будет по-твоему! Подождем, пока они выедут из города.

«Ну и ну, стоило мне лишь сказать, что это хлопотно, как он сразу стал мрачнее тучи»

Сяо Жун опешил. Он не понял, почему Великий ван так легко уступил, но это было ему на руку. Хуан Яньцзюн со своими людьми пробудет в городе еще несколько дней, а значит, у него будет время понаблюдать за Чжоу Ляном и решить, как поступить.

Сяо Жун терзался сомнениями, стоит ли убивать Чжоу Ляна ради безопасности Цюй Юньме. Он полагал, что советник затаил злобу на Великого вана. Но юноша и не подозревал, что истинной целью ненависти Чжоу Ляна стал он сам.

Советник ясно видел: стоило Сяо Жуну вмешаться, как Цюй Юньме мгновенно остыл. Одно слово юноши перевернуло игру, превратив коварный заговор в выгоду для Великого вана. Не будь Сяо Жуна, этот заносчивый вояка никогда бы не додумался до такого; он бы просто в ярости выставил Хуан Яньцзюна вон, а то и вовсе прогнал бы их из города, позабыв о походе на сяньби.

Чжоу Лян считал свой план безупречным. Успех сулил гибель репутации Цюй Юньме, а неудача позволяла инспектору избежать участия в войне. В любом случае они оставались в выигрыше. И вот, когда триумф был так близок, на их пути встал какой-то Сяо Жун. Чем больше советник прежде гордился своим умом, тем сильнее теперь горело его лицо от позора.

Он сидел, опустив голову, пытаясь совладать с яростью и унижением. Напротив него Хуан Яньцзюн, точно разъяренная горилла, изливал на него потоки гнева.

Чжоу Лян служил ему уже три года и за это время стал самым доверенным советником. Он всегда гордился своим умением читать в людских душах и знал натуру своего господина как свои пять пальцев. Чжоу Лян считал, что Хуан Яньцзюн — идеальный правитель, ведь тот, кто метит в великие люди, обязан иметь ледяное сердце. Именно он предложил пожертвовать Хуан Кэцзи, понимая, что они с инспектором — одного поля ягоды. Перед ним инспектор не притворялся благородным мужем, выплескивая всё, что было на душе.

Хуан Яньцзюн был никчемным человеком, а в гневе и вовсе терял человеческий облик. И хотя Чжоу Лян сам не отличался добродетелью, слова господина заставили его поморщиться. План провалился, и завтра им предстояло идти на встречу, которая всё больше напоминала западню. А ну как Цюй Юньме за ночь передумает и решит их казнить?

Инспектор метался между яростью и страхом, прикрывая свою трусость громогласными проклятиями. Когда первый запал прошел и он немного остыл, единственным его желанием было немедленно бежать прочь.

Чжоу Лян поднял голову, пресекая эти мысли:

— Нельзя! Уйти сейчас, не попрощавшись, — значит открыто разорвать отношения. Гнев Великого вана еще не утих. Если он бросится в погоню, то в пылу ярости не пощадит никого, даже если прежде не замышлял убийства. Уверены ли вы, инспектор, что сможете уйти от него?

Хуан Яньцзюн промолчал. Ответ был очевиден: нет.

Цюй Юньме славился тремя вещами: ненавистью к сяньби, легкостью на расправу и

невероятной скоростью. Преследование врага было его страстью; не только он сам, но и его кони были неутомимы. Тот, на кого пал его взор, был обречен пасть от его копья Сюэинь Чоумао. Ли Сюэхэн сумел продержаться десять лет лишь потому, что Великий ван никогда не видел его лица. Эти двое играли не в погоню, а в прятки — и в этом деле Цюй Юньме был не столь искусен.

Видя колебания господина, Чжоу Лян продолжил убеждать его:

— Вспомните слова этого человека, Сяо Жуна. Завтра Великий ван намерен обсудить две вещи: возмещение за испорченный дар и поход на сяньби. Коль скоро вы им всё еще нужны, они не тронут вас. Можете быть спокойны — Цюй Юньме ничего вам не сделает.

Хуан Яньцзюн немного приободрился и с видимым облегчением опустил на стул. Но на полпути он снова вскочил:

— Но тогда мне придется дать ему войска!

Это было правдой, и даже Чжоу Лян не мог этого изменить. Он лишь угрюмо кивнул:

— К счастью, народ жаждет этой войны. Если вы выступите в поход, вся Поднебесная будет вам признательна.

— Да в гробу я видел такую признательность! — прошипел инспектор.

С самого начала он лишь хотел избежать войны, сохранить силы и не тащить своих солдат в далекий город Шэнлэ. Сколько времени будет упущено! Мир меняется стремительно, за год династии сменяют друг друга, а поход на сяньби затянется минимум на полгода. Хуан Яньцзюн — не Цюй Юньме, чей дом по соседству с Шэнлэ. Его земли — в далекой области Нинчжоу, в четырех с половиной тысячах ли от города Шэнлэ. Пока Великий ван будет поживать на лаврах в Чэньлю, ему придется тащиться через всю страну обратно в Цзяньнин...

От этих мыслей инспектор приходил в ярость, и чем больше он злился, тем сильнее его раздражал советник — ведь это он подал такую идею. Не предложи Чжоу Лян этот коварный план, Хуан Яньцзюн мог бы просто сказать больным в Цзяньнине. Не хочу, мол, и не поеду. Кто бы его заставил?

Чжоу Лян слушал его жалобы, внешне покорно опустив взор, но в душе его кипела ледяная усмешка.

«И чести не хочешь лишиться, и трудиться не желаешь — как ловко ты хочешь устроиться. А про болезнь ты и слова не обмолвился. Сказать больным — значит прослыть трусом. Хватило

бы у тебя смелости на такой позор?»

Прежде он полагал Хуан Яньцзюна достойным господином, но теперь видел его ничтожество. Сейчас они были в Чэньлю, и инспектор ограничивался лишь бранью, не желая привлечь внимания. Но что будет по возвращении в Цзяньнин? Хуан Яньцзюн доверял ему лишь потому, что советник никогда не ошибался. Теперь же его авторитет был подорван.

Чжоу Лян был человеком мелочным. Он не терпел, когда те, кому он служил, прислушивались к другим, и ненавидел чувствовать над собой чужую волю. Хотя он мог бы вернуть доверие господина новыми интригами, сейчас инспектор вызывал у него лишь брезгливость.

«Просто выбрал лучшего из худших»

Советник начал подумывать о смене покровителя. Первым на ум пришел Цюй Юньме, но вслед за ним возник образ Сяо Жуна. Терпеть рядом с собой этого наглеца не было проблемой — Чжоу Лян умел приспособливаться. Но его бесило, как Великий ван слушается этого мальчишку, буквально заглядывая ему в рот.

В то же время он смутно осознавал: такую связь ему не повторить. Как бы сладко он ни пел, Цюй Юньме никогда не променяет Сяо Жуна на него. А значит, Великий ван не подходил. Нужно было искать кого-то другого.

Хуан Яньцзюн, разумеется, и не подозревал о мыслях советника. Раз уж судьба была предрешена, ему оставалось лишь смириться, пережить завтрашний день, а там — будь что будет.

Инспектор принялся расспрашивать Чжоу Ляна о завтрашнем приеме, и тот отвечал на всё подробно и без тени нетерпения. Когда же зашла речь о Хуан Кэцзи, советник сначала хотел посоветовать не спускать с юноши глаз — ведь Великий ван наверняка что-то заподозрил и попытается с ним связаться. Но в последний миг он передумал, и слова его потекли по иному руслу:

— Теперь, когда маски сброшены, молодой господин Хуан наверняка понял ваш замысел. Вам лучше не видеться с ним: объяснения излишни, они лишь прибавят тревог. Когда покинем город, вы вольны будете поступить по своему усмотрению.

Фраза была туманной, но смысл поняли оба: прикончить его в пути.

Решившись пожертвовать племянником, Хуан Яньцзюнь давно позабыл о родстве. Теперь, когда его истинная натура открылась Хуан Кэцзи, инспектор опасался, что тот начнет порочить его доброе имя. Он кивнул, соглашаясь, что юноша не должен живым вернуться в Цзяньнин.

— А если я захочу свалить его смерть на Цюй Юньме? Как думаете, выйдет? — спросил инспектор.

— Разумеется, — с тонкой улыбкой ответил Чжоу Лян.

Инспектор наконец повеселел и отпустил советника. Тот поклонился и вышел.

Покои Хуан Яньцзюня и Хуан Кэцзи располагались почти друг напротив друга. Глядя на свет в окнах племянника, Чжоу Лян холодно усмехнулся.

Неважно, свяжется ли Великий ван с юношей и создаст проблемы инспектору, или Хуан Яньцзюнь убьет племянника, оставив на себе пятно, — любой исход ударит по господину. А Чжоу Ляну этого было довольно.

Из-за поздних посиделок Сяо Жун на следующее утро проснулся, когда солнце уже стояло высоко.

Его никто не будил. Сяо И поначалу беспокоился, не разгневадается ли Великий ван за такую задержку, но зашедший из соседнего двора канцлер Гао лишь с улыбкой велел не тревожить юношу. Сяо Жун, мол, натерпелся в походе, и теперь, когда есть мягкая постель, пусть выпится всласть.

— ... — Сяо И лишь молча кивнул.

Покои Гао Сюньчжи были чуть скромнее, чем у Сяо Жуна — без четкого деления на мужскую и женскую половины, но в остальном такие же. Вместе с канцлером в том дворе жили и братья Юй.

Цюй Юньме еще на рассвете поведал Гао Сюньчжи о вчерашних событиях. Старик был поражен до глубины души, а Юй Шаосе и вовсе пришел в неопишемую ярость.

— Пытаться извести единственную плоть и кровь родного брата... Это же хуже зверя!

Гао Сюньчжи, который десять лет назад вместе с Цюй Юньме жил в Южной Юн, всегда считал Хуан Яньцзюня человеком, с которым не стоит водить дружбу, но и помыслить не мог, что тот падет так низко.

— Лицо человечесье, а сердце змеиное, — вздохнул он.

Немного успокоившись, он затревожился о судьбе Хуан Кэцзи:

— В те годы мы пользовались добротой его отца, а после были вынуждены покинуть его в беде. И по долгу совести, и по чести мы обязаны защитить наследника нашего благодетеля.

Юй Шаосе горячо поддержал его.

Таковы были книжники: долг благодарности для них был выше неба. За одну трапезу они готовы были сложить голову, а уж сколько таких «трапез» задолжал Цюй Юньме покойному Хуан Яньциню, и сосчитать было трудно.

Впрочем, готовность умереть за того, кто тебя оценил, часто оставалась лишь красивым идеалом. Мало кто в нынешние времена готов был буквально жертвовать жизнью за гостеприимство, как в древности. Благодарность следовало выражать с умом, выбирая время и способ. К тому же последнее слово оставалось за Цюй Юньме: если он не пожелает вмешиваться, другим останется лишь молчать.

Юй Шаосе и Гао Сюньчжи переглянулись и, не сговариваясь, вышли из комнаты.

Но пошли они не к Великому вану. Они направились в соседний двор, к Сяо Жуну.

Давно Сяо Жун не спал так крепко и сладко. Почувствовав на лице теплые лучи солнца, он довольно улыбнулся и, не открывая глаз, сладко потянулся в постели.

Размяв затекшие мышцы, юноша открыл глаза — и чуть не расстался с душой от испуга. Он резко сел, машинально натянув одеяло до самого подбородка, и вскрикнул:

— Вы что творите?! Зачем так на меня пялиться?!

Юй Шаосе сделал шаг вперед и с предельно серьезным видом крепко схватил юношу за руку:

— Младший брат Сяо, в этом деле мы можем уповать лишь на тебя!

Сяо Жун:

«...»

«Ах ты, бесстыдник, отпусти руку!»

<http://bllate.org/book/15355/1422818>